

101
ПОЭТ
XXI
ВЕКА

Максим
Замшев

...

ИКАР
МНЕ ДРУГ

Максим Адольфович Замшев

Икар мне друг

Серия «101 поэт XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48747527

Икар мне друг : стихотворения / Максим Замшев: Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-886-5

Аннотация

Новая поэтическая серия издательства «У Никитских ворот» открывается книгой Максима Замшева – яркого представителя современной поэзии. Казалось бы, что оригинального XXI век явил в стихосложении? Новые формы, которых так настойчиво требовал чеховский герой в начале века прошлого, вполне воплотили себя в течение последующих десятилетий – от обэриутов до концептуальных стихов.

XXI век, по крайней мере, его начало, поставил точку в экспериментах с поэтической формой, выведя на первый план индивидуальность восприятия. Поэты не собираются в группы, не формируют течений, не придумывают лозунгов – каждый цветёт своим цветом, чувствует и выражает чувство по-своему.

Творческий метод Максима Замшева близок экспрессионизму; в его стихах много точных бытовых деталей и в то же время реальность переплетена с фантазией так, что трудно понять, рассказывает лирический герой о своей настоящей жизни

или о своём сне. Главное – чувство. И, конечно, искусство рифмы, которое есть свойство подлинной поэзии.

Содержание

«Снег сыплет с неба кашей рисовой...»	6
«Как много от детства в обычной простуде...»	8
«Ему неведом кратких встреч сумбур...»	9
«Неповторимый мир не просто канул...»	10
«Меня дыханьем не согрели...»	11
«Который август проживаю...»	13
«Я мостовые переделывал в рояли...»	14
«Полковник в отставке сверкнул золотыми зубами...»	16
«Сплетая паутину дел несрочных...»	17
«Состарилось постельное бельё...»	19
«Облака, Ленинград проплывая...»	20
«Пена на гребне волны...»	21
«...А время коротается...»	22
«О чём молчит валет обыкновенный...»	25
«Густая пыль на письменном столе...»	27
«Шершавый собачий язык...»	28
«В октябре на Патриарших...»	29
«По клавишам времён порхают чьи-то пальцы...»	31
«Помнишь, мы всё потеряли...»	32
«Прижалась ко мне плечом...»	34
«Рассвет умывается жёлтым и красным...»	36

«Почернели костры, отгоря...»

37

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Максим Замшев

Икар мне друг

«Снег сыплет с неба кашей рисовой...»

Снег сыплет с неба кашей рисовой,
Ещё ошибки не исправлены,
Ещё не все стихи написаны,
Ещё не все слова отравлены.
Ты – одинока и доверчива,
Умна, немножечко несчастлива,
А я – распутицей заверченный,
И жизнь моя пока удачлива.
Шампанским грёзы расколдованы,
И смыслом полнится бессмыслица,
И мы сознанием очарованы,
Что этот день нам не зачислится.
Что было? Сушная безделица.
Что будет? Верно, участь лучшая,
Наш город нам под ноги стелется,
Как простынь белая, летучая...
Ах, как давно... Теперь не верится.
Весьма банальная история:

Жила-была царевна в тереме,
Жила на радость всем, на горе мне.
Осталось памяти бесправие...
И фотографии отсутствие,
Не исключение из правила,
Не аромат цветов искусственных.
Снег сыплет с неба кашей рисовой,
Но воробьям всё так же холодно.
Еловый наконечник высится —
Не всё, что зелено, то молодо.
Ты не видна, как тень Юпитера,
Я стал другим... Ну так уж водится...
Пойду, возьму билет до Питера
И не уеду. Точка. Вольница.

«Как много от детства в обычной простуде...»

Как много от детства в обычной простуде,
Как будто опять прорезается дискант,
И ключ к объяснениям ещё не отыскан,
И вряд ли возникнет сомнение в чуде.
Не знаешь, что нрав твой для многих несносен,
Вдыхаешь лекарственный запах квартиры.
На птичьих правах законной картины,
Простуде частенько сопутствует осень.
И воздух, танцующий в колком ознобе,
Разброд и шатанье оставит в придачу,
А помнишь, как ездили летом на дачу?
А помнишь, зимою валялся в сугробе?
Что толку всё видеть в нерадостном свете!
Любовь не прошла, миновала опала.
Текло по усам, только в рот не попало...
Никто так светло не болеет, как дети.

«Ему неведом кратких встреч сумбур...»

Ему неведом кратких встреч сумбур
И медленная пытка расставанья.
Москвы поклонник, юный Петербург
О ней вздыхает лишь на расстоянье,
Кусает губы (алые закаты),
Поймав в порту её письма клочок,
А ветер – словно сломанный смычок
Забросили за Ладогу куда-то.
В проулках мечется беззвучный крик,
У пешеходов вызывая кашель,
Совсем другой любви другой язык.
И он не внятен скудным мыслям нашим.
Белеет ночь, подобная сурдине,
За горизонтом – вечности вокзал.
Таким нам город виден на картине,
Которую никто не написал.

«Неповторимый мир не просто канул...»

Неповторимый мир не просто канул,
А стал до отвращения не нов,
Последние незвонкие стаканы
Наполнили ловцы вчерашних снов.
Казалось бы, обычная картина,
И тишине ничьих не нужно слов,
Но утром злобный вид чужих ботинок
Погонит прочь от собственных домов.
Когда же ты уже никем не станешь,
Таким похожим станет всё вокруг,
И в маете сменяемых пристанищ
Услышать бы один знакомый звук.
Но жизнь идёт, и всяк живёт, как может.
Забудется пронзительность разлук.
Так забывают юные вельможи
Любимых, но состарившихся слуг.

«Меня дыханьем не согрели...»

Меня дыханьем не согрели
У века на руках стальных,
Я берегу удел Сальери
От равнодушья остальных.

И, белой, как забвенье, нитью
Скрепив потерянный венок,
Я вспоминаю по наитью
Холодную безгрешность нот.

Они разбросаны по полю,
Их на цветах находит шмель,
А выйдешь вечером попозже —
Волшебную услышишь трель!

На одиноких полустанках
И в тамбурах, где стынет стыд,
Страницы ветхие листаю
И жить не пробую навзрыд.

А по утрам в слезах потери,
Придя ко мне издалека,
Глокает сгорбленный Сальери
Густое пиво у ларька.

«Который август проживаю...»

Который август проживаю
И каждый раз всё не пойму,
На что бесцельно уповаю
И розы дней дарю кому?

Ещё вчера так иступлённо
Топтало лето свой убор,
А нынче кровь на пальцах клёнов —
Природы горестный укор.

В такую пору хорошо бы
Из бочки пробовать вино,
От ненасытной жаркой злобы
Пора избавиться давно.

Но не простить щедрот мгновенных
Любви потушенным печам.
И шёпот клёнов убиенных
Покой ворует по ночам.

«Я мостовые переделывал в рояли...»

Я мостовые переделывал в рояли,
Я дирижировал оркестром подворотен.
Какую музыку твои шаги играли!..
Такого скерцо больше не воротишь.

Настой дождя на молодом безделье
Я расплескал в окрестностях Арбата.
Какое было детское веселье!
Какая будет взрослая расплата!

Я знаю, звёзды не бросают небо,
А долгий сон ещё страшнее были.
Но всё ж кричу от боли и от гнева:
Зачем такое скерцо погубили?

В который раз в дождливый понедельник
Не хватит места гордому покою,
Когда приходит к нам ноябрь-отшельник,
Земные чувства тянет к водопою.

И, на себя приняв мои напасти,
Бредёт любовь, уставшая, как лошадь.
Со свитою губительных пристрастий

Я потерялся в улицах оглохших.

А где-нибудь в предместьях Берлина
Ты в новой жизни горестей не знаешь.
Довольная, идёшь из магазина
И никогда меня не вспоминаешь.

«Полковник в отставке сверкнул золотыми зубами...»

Полковник в отставке сверкнул золотыми зубами,
И бывший хирург опрокинул на скатерть стакан.
Один из гостей закусил с аппетитом грибами,
И чьи-то подруги развязно сплясали канкан.

Кого-то не в шутку буржуйским отродьем назвали,
Но повод застолья давно уж не помнит никто.
Актёр знаменитый, не зная о скором провале,
В соседней квартире устало снимает пальто.

Полковник в отставке во Франции был бы капралом,
Актёр и хирург торговали б в Марселе сукном.
Но как объяснить им, что видит себя генералом
Оборванный нищий, уснувший в грязи под окном?

«Сплетая паутину дел несрочных...»

Сплетая паутину дел несрочных,
Не разберёшь – кто прав, кто виноват;
В Европе любят девушек восточных,
А в Турции блондинки нарасхват.

Синее неба синие чернила,
И крот трудолюбивей, чем поэт.
Опять молва кого-то очернила,
А с выставки сбежал автопортрет.

Обидел бегемот гиппопотама,
Хотя они похожи – что скрывать!
Не ясно, для чего нужна панама:
Для глобуса иль чтобы надевать

Её на глобус. Ложь нежнее вздора,
Как яблоко, земля почти кругла.
Ей слыть всегда причиною раздора,
На ней легко остаться без угла.

Глухой Бетховен сочинил сонату,
А ты в раздумье – стать ли пауком?
Не мудрено слоняться по канату,

Кода тебѣ заставили силком...

«Состарилось постельное бельё...»

Состарилось постельное бельё,
И телеграмма умерла в пути.
А за столом постельное бельё,
Которое без боли не пройти.

На каждом перекрёстке светофор —
Предчувствие, сводящее с ума.
На полке в магазине сыр Рокфор
Лежит напоминаньем о Дюма.

В кафе «Мечта» состарился тапёр
И лампочка потухла сгоряча.
Пора дарить игрушечный топор
На день рожденья сыну палача.

Покуда мир от жизни не отвык,
Не вспомнишь – где начало, где конец.
И в каждом жившем видится старик,
И в каждом мёртвом видится юнец.

«Облака, Ленинград проплывая...»

Облака, Ленинград проплывая,
Услыхали шипенье трамвая
И упрямых людей увидали,
Что у них на глазах увядали.

Облака, не сочувствуя горю,
Потянулись к Балтийскому морю.
Многолюдно на майском параде.
Не хочу умирать в Ленинграде.

«Пена на гребне волны...»

Пена на гребне волны,
Локонов запах на гребнях
Перерождаются в сны
Или в предания древних.

Роется солнце в песке,
Всё побережье согрето,
В тонком, как волос, мазке
Длится испанское лето.

Будет большой карнавал
Лиц на развалинах замка.
Август не короновал
Маску – она самозванка.

Этот позор не снести,
Станут гримасами лица.
Только верстах в десяти
Сын у рыбачки родится.

«...А время коротается...»

...А время коротается
И скоро скоротается,
А в Риме не останется
Ни Спартака, ни Цезаря;
Тяжёлая, как цепь, заря
Скуёт страну Италию.
А время коротается
И скоро скоротается,
А в раме стёкла таяли
От жгучих взглядов солнечных,
И день сказал, пополдничай,
Что вряд ли кем-то станем мы...
И вровень сны со стаями
Стремятся к чудо-острову,
Но осенью непросто им
Укрыться от восстания...
А время коротается
И скоро скоротается,
А мне б немного таинства,
И скука бы развелась,
С годами холоднее страсть
К сомненьям и скитаниям.
Уже не слиться в танце нам
С беззвёздной синей вечностью,

Холопы быстротечности,
Мы пропустили станцию...
А в Риме пахло падалью,
И осы в розы падали,
Овраги темень прятали,
И врозь старели статуи,
А Вронский умер в Сербии
Под воскресенье Вербное,
А Байрон умер в Греции,
Эх, хоть чуть-чуть согреться бы...
А время коротается
И скоро скоротается,
И вратъ уже бессмысленно,
Уже грехов бесчисленно,
Мечты уже прокисли, но
Не всё ещё потеряно,
Осталась шляпа с перьями
Из детского поверия.
Когда уйдёшь непрошено,
Узнаешь цену проседи,
В ружье опять патрон сидит,
Но время коротается
И скоро скоротается,
А в ране боль беснуется,
А в раме гложет улица,
А в мире всё по-прежнему.
И в Риме неизбежностей
От нас лишь пыль останется —
И время скоротается.

«О чём молчит валет обыкновенный...»

О чём молчит валет обыкновенный,
Пока ещё не торжествуют ложь?
– Каких был лет царевич убиенный?
– Молчи, старик, Григория спасёшь.

Покрой тузом валета козырного
И между ними ниточку продень.
Вот над детьми Бориса Годунова
Нависла самозванца злая тень.

История разбрасывает угли.
Отрепьев мёртв. Марине нужен вор...
На теплоходе проплывая Углич,
Я с девушкой затеял разговор.

У спутницы моей капризны ушки,
Ей хочется мартини и со льдом.
А в Угличе усталые старушки,
Шепча молитвы, крестятся с трудом.

На миг представьте: был бы жив царевич,
Он русский бы наследовал престол.
Не нагличал бы польский королевич,

В боярах не змеился бы раскол,

И не было б ни Шуйского, ни смуты.

Побей тузом – и кончена игра.

Но в Угличе кровавые минуты

Гурьбой бегут с церковного двора.

А девушку опять зовут Мариной,

Ей странна жизнь предшественниц своих,

Она периной или пелериной

Вслепую тычется в свободный стих.

Народ! Народ! Ты помнишь ли? Когда-то...

Юродивый... Кремлёвская стена...

Страна своими нищими богата,

Чужими самозванцами скудна.

«Густая пыль на письменном столе...»

Густая пыль на письменном столе.
Здесь некогда писатель исписался.
Потом он взял холодный пистолет
И с одинокой жизнью распрощался.

Давным-давно темно в его окне,
Уехал сын, с другим живёт супруга.
Лишь на могиле видят по весне
Единственного преданного друга.

Спустя года наглеющий юнец
Увядшей даме, водкой разогретой,
Небрежно скажет: «Что ж, такой конец
Он заслужил». И пыхнет сигаретой...

«Шершавый собачий язык...»

Шершавый собачий язык
Лизнёт бесполезную руку.
Шептали, срывались на крик,
Дрожали по первому стуку,
Кляли ненавистный удел
И лгали доверчивым птицам,
А дождь моросил, как умел,
По крышам, по листьям, по лицам.
Стоим у кремлёвской стены,
Как будто у двери в таверну,
В пространства огромной страны
Залили тягучую скверну.
Немеющий воздух смущён
Единственной правдой на свете,
На золоте бывших знамён
Играют румяные дети.
С тоскою на письма глядят
Почтовые старые марки,
И падает навзничь солдат
В немецком запущенном парке.

«В октябре на Патриарших...»

В октябре на Патриарших
Пили пиво с жирной рыбой,
Не хотели слушать старших,
И земля, как стол накрытый,
Всё отведать нас манила
Блюда пряные сырые,
В них неведомая сила
И повадки озорные.
А долги росли так быстро,
Как растут чужие дети,
И цыганское монисто,
И помада на конфете
В дневниковые просторы
Из других стихов стучались.
И признания, и споры
Даже утром не кончались.
В октябре служили чуду,
Хохотали, веселились
И не знали, что повсюду
Мысли мрачные селились,
И ещё о том не знали,
Что ноябрь – сварливый отчим,
Что себя мы потеряли
Между прочим, между прочим...

«По клавишам времён порхают чьи-то пальцы...»

По клавишам времён порхают чьи-то пальцы.
О чём же мне писать? О чём же мне грустить?
Всплывают из глубин шопеновские вальсы,
И мне так сладко их на волю отпустить.

Плечистая тоска у двери караулит,
Она явилась к нам из рода великанш,
Пора уже разбить мой опустевший улей,
Пора уже сыграть мой привокзальный марш.

Сомненья тяжелы, как золотые слитки,
Упрямо ждёт беды пожухлая трава.
Вчерашнее меню, вчерашние улыбки...
О чём я говорю? Ведь это всё слова....

Любимые друзья пророчили дурное,
Любимые враги пытались застрашать.
И я при них сжигал обличье шутовское...
Простите, господа! Я так хочу прощать...

«Помнишь, мы всё потеряли...»

Помнишь, мы всё потеряли...

Утро плелось по мосту,

Бодрые марши звучали,

Спал часовой на посту.

Техника в город входила,

Публика шла на парад.

Помнишь, как ты не любила

Праздничный пёстрый наряд?

Флаги алели на стенах

Заспанных серых домов.

В улицах узких и тесных

Я оставаться не мог.

Солнечной пеной пролилось

Пиво из кружек больших.

Прошлое не торопилось

Пламенно жить за двоих.

А командиры орали,

А подчинённые шли.

Помнишь, мы всё потеряли

И ничего не нашли.

«Прижалась ко мне плечом...»

Прижалась ко мне плечом
В троллейбусе краснобоком.
– В чём я виноват? Ни в чём...
Так что ж всё выходит боком?

Упрашивают меня,
А я не хочу остаться.
– Привычки, – твердят, – меняй,
Хватит, – кричат, – скитаться.

А ты молода, как снег
На первой декабрьской пьянке,
И жмёшься ты не навек,
А только до Якиманки.

И вряд ли когда-нибудь
Вернётся орёл двуглавый,
И вряд ли мой бранный путь
Закончится громкой славой.

Но это всё ни при чём...
Не стоит искать участия.
Прижался ко мне плечом
Кусочек земного счастья.

«Рассвет умывается жёлтым и красным...»

Рассвет умывается жёлтым и красным,
С домов облетает пожухлая краска,
И машут платками деревья-солдатки,
И чья-то мечта наступает на пятки.

А осень, на что уж учёная дама,
И та покупает бутылку «Агдама»,
И клён огорчённый с утра угощает,
И он ей былую измену прощает.

А штора от ветра, как парус, надулась,
И мне показалось, что детство вернулось
С дворовой гурьбой, в шоколаде, в заплатках,
Со всеми любимыми, без виноватых.

«Почернели костры, отгоря...»

Почернели костры, отгоря,
От обиды, бессилья и злости.
На богатом пиру сентября
Веселятся незваные гости.

Остаётся так мало домов,
Где радушно меня принимают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.